

...Счастье быть собой

Благословение
святого Патрика

Роман

В Е Р А
К О Л О Ч К О В А

Вера Колочкова

Благословение святого Патрика

«Автор»

2013

Колочкова В. А.

Благословение святого Патрика / В. А. Колочкова — «Автор»,
2013

ISBN 978-5-699-62164-4

Лиза казалась в своем кругу юродивой. Слишком мягкая, слишком скромная, она могла услышать в шелесте листьев Пятую симфонию Рахманинова. Лиза обречена оставаться белой вороной. Но однажды ей вдруг встретился человек, удивительно похожий на саму Лизу, правда, давно и неудачно женатый на властной и грубой женщине. Слишком много условий, препятствующих союзу. Этой паре блаженных трудно достичь счастья.

ISBN 978-5-699-62164-4

© Колочкова В. А., 2013

© Автор, 2013

Вера Колочкова

Благословение святого Патрика

– Да, Машенька, я поняла... Да, пошли в кино, придешь поздно... А с кем ты? Ну да, понятно, с Женей, конечно... Да, хорошо... Молодец, что позвонила. Я? Да ничего особенного... Почитаю книжку и спать лягу... И я тебя целую, дочка.

Мобильник привычно скользнул в карман домашнего халатика, и Лиза грустно вздохнула – придется опять в одиночестве ужинать... А она так старалась Машке с ужином угодить! На дорогу рыночную телятину разорилась, котлет навертела... Все равно бы Машка не устояла, хоть одну штуку слопала бы обязательно. Вот же – вбила себе в голову, что бедра с мини-юбкой не сочетаются! Как будто нельзя юбку на размер больше взять... А бедра вполне нормальные, такие, как надо, бедра. Зато рожать потом без проблем...

Нет, вслух меж ними такие «ужасные» вещи про большой размер юбки и про «рожать» не произносились, конечно же. Восемнадцатилетнюю девчачью глупость тоже уважать надо. Это ж такая штука – опасливо трогательная. В том смысле, что, если не «трогать», с годами сама израстется. А с другой стороны – кто сказал, что матери схитрить нельзя и не впихнуть в глупого ребенка лишние пару сотен полезных калорий? Тем более перед сессией, когда нервная нагрузка на организм увеличивается? Ей ли, медику, этого не знать? Ой, а котлетки-то подгорают, кажется...

Ринулась к плите, колыхнув полами легкомысленного халатика-разлетайки. Нет, не подгорают вроде... Все как надо получается, с румяной поджаристой корочкой. Ах, красота... А запах... Теперь крышкой сковородку накрыть, газ приубавить до едва заметного голубого сияния, оставить еще чуток потомиться... Нет, Машка точно не устоит!

Дверной звонок щелкнул первой соловьиной трелью аккуратно под бряцанье крышки о сковороду, а потом пошел перебирать привычную мелодию – механически требовательную, нервно настойчивую. Если не отрывать палец от кнопки звонка, она так и будет переходить от одной ноты к другой, разрывая барабанные перепонки... Это значит, пришел конец домашнему счастью. Конец хорошему настроению. О боже, ну почему... Почему именно сегодня? Почему он заявляется именно тогда, когда... А впрочем, он всегда заявляется не ко времени. Да и кто это время определяет, собственно...

Ладно, хватит глотать воздух, как рыба, выброшенная на берег. Надо идти, дверь открывать. Если он сам ее откроет, своими ключами, еще хуже будет.

Уже торопливо направляясь в прихожую, отметила про себя мельком, что каждый раз она реагирует именно как... как рыба. Вроде и привыкнуть за три года пора. Привыкают же люди к несвободе, ко всякому вынужденному обстоятельству... Обстоятельству по имени Герман. Бывший муж Герман. Звучало бы, конечно, не так уж и страшно, если бы...

– Чего так долго не открываешь? Надеюсь, я твоего любовника в своих частных владениях не застал?

Стоит в дверях, ухмыляется, похлопывает ладонью по косяку. Галстук приспущен, ворот рубашки расстегнут... Ага, понятно. Значит, слегка под хмельком. Кирпичный румянец на щеках, глаза плывут предвкушением очередного глумливого куража.

– Не стоит беспокоиться, Герман. Цела и невредима твоя частная собственность.

Сказала – и замолчала испуганно. Слишком в голосе много неприязни прозвучало. Непозволительной неприязни. А этого как раз и нельзя – чтоб она в голосе слышалась. Это ж для него – словно красная тряпка для быка. Жаль, что не успела иммунитет включить...

– Хм... И чего это мы вдруг так отвечаем? А, Лизок?

Поднял в изломе бровь, нагнул голову, пытаясь поймать ее взгляд.

– Ну, чего молчишь? Почему так отвечаешь, спрашиваю?

– Как, Герман?

– Как, как... Нагло, вот как. Забыла, что на птичьих правах здесь живешь? Может, напомнить, какой у тебя статус на этой отдельно взятой территории?

– Нет. Не забыла.

– А если не забыла, так сделай мордочку поприветливее. Хотя бы на элементарную приветливость я могу рассчитывать? Согласись, я ее вполне заслуживаю. Ведь так?

– Так, Герман.

– Разве я гоню тебя из квартиры, к которой ты, как бывшая жена, никакого отношения не имеешь?

– Нет, не гонишь.

– Но ведь право имею? – еще ниже склонил он голову, приблизив лицо вплотную и дохнув крепким коньячно-табачным духом.

О господи, каждый раз – одно и то же... Одни и те же глумливые вопросы, одни и те же ответы. Вот бы на диктофон их записать и включать, чтобы лишний раз вслух не произносить... Да, Герман, все у нас по Достоевскому, только в пошло-бытовом варианте. Да, ты не тварь дрожащая, ты право имеешь. Законное право, на бумаге прописанное. Да, ты очень благородный, Герман, и правом своим не пользуешься. Исключительно потому не пользуешься, что я хоть и бесправная, но все-таки мать твоего ребенка...

– Дай пройти, чего встала столбом!

Шагнул в прихожую, и она отступила в сторону, давая ему дорогу. Поплелась за ним в комнату, встала в дверях, сложив руки под грудью. Ничего, это ненадолго, наверное. Время-то уже позднее, дома молодая жена ждет... Поглумится немного и уйдет. Главное, красной тряпичей перед ним не фланировать, замереть соляным столбом и забыть об элементарном человеческом достоинстве. На время – забыть... Так надо. Другого выхода нет.

– А Машка где? – заглянул в открытую дверь Машкиной комнаты.

– Она в кино пошла. Только что звонила, предупредила, что будет поздно.

– С кем – в кино? У нее что, ухажер появился?

– Нет, просто с подружкой. С Женей. Они учатся вместе, в одной группе.

– Ну, это она тебе заливает... Наверняка какой-нибудь обалдуй около нее трется. Надо бы проверить...

– Нет, она мне никогда не врет.

– Ну да, ну да, размечталась! Тебе лапшу на уши навесить – особо и стараться не надо. Простая ты, Лизок, как... Как...

Он пошевелил пальцами, хохотнул, покрутил головой, словно никак не мог подобрать подходящего для нее слова. Так и не подобрал, махнул рукой. Подцепив в щепоть ее белую блузку, висящую на спинке стула, приподнял слегка, снова усмехнулся:

– Как была неряхой, так и осталась. Везде свои вещи разбрасываешь. Что, нельзя это в шкаф убрать, да?

Молчи, Лиза. Вопрос-то, слава богу, почти риторический. Замри, соляной столб по имени Лиза. Пусть изгаляется, пусть делает, что хочет. Замри, умри, потом воскреснешь.

– А чем у тебя так вкусно пахнет? – потянул в сторону кухни носом.

– Там котлеты на ужин...

– Покупные или сама старалась?

– Сама. Ты же знаешь, я не люблю полуфабрикатов.

– В частности или вообще?

– Вообще...

Хмыкнул, кивнул снисходительно, вроде как одобрил. Развернувшись, пошагал на кухню. Она, как тень, последовала за ним... Надо бы унять мерзкое дрожание внутри. Ну чего, чего ты задрожало, нутро? Понятно, что все это со стороны довольно противно смотрится, кто ж

спорит? А только поддаваться на его провокации – еще хуже. По меньшей мере – глупо. Как гласит народная мудрость – против лома нет приема.

Встала в дверях кухни, будто со стороны наблюдая продолжение спектакля. Герман подошел к сковородке, открыл крышку, склонился над котлетами, осторожно ухватил одну, претенциозно отставив в сторону мизинец. Оттяпал зубами сразу половину...

– Ш-ш-ш... Горячая, жаража! – прошепелявил, пережевывая. – А вкусно, Лизок... Молодец...

И «молодец» тоже прозвучало шепеляво-глумливо, одними гласными – о-о-е... Сожрал в один момент, плотоядно облизнул губы, уцепился пальцами за следующую.

– Может, тебе вилку с тарелкой дать, Герман?

– Опять хамишь, Лизок?

– Ничуть... Просто, по-моему, так удобнее.

– А мне по фигу, как по-твоему. Я на своей частной собственности нахожусь, что хочу, то и делаю.

– Ну, тогда приятного аппетита.

Развернулась, чтобы уйти. И тут же понеслось в спину:

– Эй, ты куда? Я тут ее нахваляю, а она ко мне – спиной... Молодец, говорю, хорошо стряпаешь! Все, как надо, с лучком, с чесночком, с перчиком... Этого у тебя не отнимешь, молодец. Единственное твое женское преимущество, между прочим. А моя Кристинка – та нет... Готовить совсем не умеет. С детства родителями избалована, поганка. Зато в постели... Эт-то, я тебе скажу, что-то с чем-то... Бомба, стерва, оторва такая, что прости господи! Сам удивляюсь, как жив еще...

Он вздохнул смешливо, еще и подмигнул при этом, будто с приятелем разговаривает. Подхватил еще одну котлету, цапнул крепкими зубами, прикрыл глаза:

– М-м-м... Вкусно.

Прожевал, выставил впереди себя растопыренные пальцы, лениво шагнул к раковине, открыл кран. Ополаскивая руки, проговорил словно бы между прочим:

– А как вы тут вообще... живете-то? У Машки ведь сессия на носу, так я понимаю?

– Да. Через неделю первый экзамен.

– Ну, вот... А она шляется где-то... Что ж ты за ней не следишь, Лизок?

– Я слежу, Герман. У нас все в порядке.

– Ну-ну... Смотри, чтобы все хорошо было, без глупостей. Не просто в порядке, а в полном порядке. Эх, как там говорится, дай господь памяти... Что за комиссия, ей-богу, быть взрослой дочери отцом?

– Создатель...

– Чего?

– Что за комиссия, создатель...

– А, ну понятно. Я и забыл, что ты у нас шибко начитанная. Второе твое преимущество, Лизок. Жаль только, никому не пригодившееся. Видишь, как оно в жизни бывает? Глупые стервочки таким, как ты, умненьким да начитанным, фору на сто шагов вперед дают... Моя Кристинка за свою молодую жизнь ни одной книжки не прочитала, а мужика прямо из стойла со вкусной едой увела!

Она кивнула, соглашаясь. Бог в помощь твоей Кристинке, каждому, как говорится, свое. Но вслух, конечно же, не произнесла. Тут, главное дело, в полемику не вступить... Да и желания нет, если честно.

Основательно усевшись на табурет, Герман закурил, фривольно закинув ногу на ногу. Смотрел на нее через дым сигареты, молчал. Будто ждал, что она все-таки что-то возразит.

Колыхнулась парусом кухонная занавеска, влажный ветер принес с собой запах дождя. По жестяному карнизу забарабанили первые крупные капли...

– О, а вот и дождик подарочком, тачку не надо мыть! – весело встрепенулся Герман, закрывая створку окна. – Сейчас ливанет...

Оперся одной рукой о подоконник, другая рука с окурком потянулась к горшку с бегонией, пальцы автоматически сделали свое черное дело. Прости, дорогая бегония, придется уж потерпеть это измывательство с окурком. Я и не такое терплю...

– Ладно, Лизок, поехал я. Меня дома Кристинка ждет. Денег не оставляю, сам на мели. Если что – пусть Машка мне звонит, после пятнадцатого деньги будут...

Хотела сказать – не надо ничего, да смолчала. И впрямь – скоро за Машкину учебу в институтскую кассу взнос нести... Вот пусть и платит. После пятнадцатого. Надо же ребенку образование получить. Сам же только что вздыхал на тему отца и взрослой дочери! Вот и плати, если отец. Что за комиссия, создатель.

– Она позвонит, Герман. Я ей напомню.

– Да, и к матери моей пусть заглянет на днях. Совсем бабку забыла, она ж обижается.

– Хорошо. Заглянет.

– А сама – не хочешь?

– Нет... Зачем? Она ж меня и раньше не особо жаловала...

– Ну да. А сейчас, представляешь, вспоминает о тебе с сожалением! Кристинка-то ее пару раз матом обложила, она ж не такая тихоня, как ты...

– Я просто старалась не идти на конфликт, Герман.

– Ну да, ну да. И это уже третье твое преимущество. Видишь, сколько я комплиментов тебе сегодня наговорил! Зацени! А то стоишь с кислой рожей... Небось дожидаться не можешь, когда я уйду? Чего плечами пожимаешь? Пожимай не пожимай, а жилплощадь-то все равно моя, законная!

– Да. Я помню, Герман.

– А ты здесь живешь только потому, что здесь моя дочь живет.

– Да. Я помню.

– Чего ты заладила, как попугай – я помню, я помню! Других слов не знаешь?

– Каких, например?

– Ну, есть такое слово – спасибо... Все равно ведь у тебя другой жилплощади не предвидится, на зарплату медсестры ее не купишь! Так что и расщедрилась бы на волшебное слово, поди, не переломилась бы! Я же тебя сей же час не выгоняю...

– Спасибо, Герман.

С этим «спасибо» вдруг заныло что-то внутри соляного столба – все, не могу больше... Хватит уже на сегодня, а? Не может долго живая человеческая плоть быть соляным столбом. У плоти внутри слезы копятся. Горячие и соленые, между прочим. А горячее для соляного столба – беда. В одночасье растаять может.

Он вдруг опустил плечи, скользнул по ее лицу быстрым взглядом. Видно, почуял, что она на грани... Почуял – добился-таки своего. Значит, уйдет скоро.

– Ладно, пошел я, Лизок. Кристинка, поди, обзвонилась вся, а я телефон в машине оставил... И пусть Машка мне после пятнадцатого позвонит, напомни ей!

– Да...

– Я дверь сам захлопну, можешь не провожать.

– Да...

Прошел мимо, снова обдав густым хмельным запахом. Громко хлопнул дверью в прихожей...

Все. Можно возвращаться к нормальной жизни. Со свежей, дрожащей непролитыми слезами обидой, с очередным осознанием безысходности своего положения. Какая ни есть, но все-таки жизнь. Другой в ближайшее время все равно не образуется.

Отерла со щек слезы, шмыгнула носом, тихо поплелась в комнату. Теперь главная задача – в эту проклятую обиженность до конца не уплыть, не пропасть в ней с потрохами. Надо как-то уравновеситься, самой себе веточку протянуть, чтоб вылезти из болота... А главное, униженность из себя вытащить, не дать ей корнями прорасти! Что оно такое есть, полученное от Германа унижение? Всего лишь очередная попытка самоутвердиться. Его – попытка. Вот пусть жалкой попыткой и останется. Наверное, бедному Герману просто необходимо было в этот вечер самоутвердиться. Других способов он не знает...

Бог с ним. Бог с ним... Бог с ним, с Германом! Сегодня, между прочим, еще относительно спокойно экзекуция прошла. И хорошо, что не при Машке. Она бы обязательно с ним сцепилась. А потом бы переживала, плакала ночью в подушку... Он же отец ей. Какой ни есть, а все равно она его любит.

А дождь как быстро прошел... Пошумел и прошел. А жаль. Когда идет дождь, душа как-то быстрее от обиды омывается. Шмыгает между струями, играет... И забывает обиду.

Вышла на балкон, вдохнула полной грудью. Давай, оживай, душа обиженная. Зачем нам с тобой эту гадость внутри держать? Еще раз вдохни чистоты, еще... Подольше задержи в себе воздух... Так, что-то плохо получается. Наверное, надо сосредоточиться. Призвать какие ни есть силы, переломить в себе опасные ощущения, оттолкнуться от плохой минуты. Она это умеет, умеет! Всегда вроде бы получалось, уж сколько таких минут пережито... Ну же, давай!

Сердце стучит беспокойно, вот в чем беда. В унисон с потребностью души не попадает. Надо переждать пять минут.

Порывом ветра занесло на балкон мокрую тополиную ветку, будто рука спасения протянулась. И тут же ускользнула, будто с собой позвала... И вдруг – пошло! Разлилась, пробежала волной по телу радостная судорога узнавания жизни, счастливая до неприличия! Как хорошо, что она ее слышать умеет, ощущать, осязать умеет! Надо только знать, как подхватить, как пропустить через каждую клетку! Давай, жизнь, входи в меня побыстрее, вытесняй мелкоту и суетность опасной минуты... Обдавай запахом свеженького, еще не устоявшегося городского лета, запахом земли и омытых дождем тополиных листьев, нежностью влажного воздуха, терпко вкусного, как молодое вино! Вот, уже хорошо, уже поплыла, полетела... И впрямь, будто плоток вина выпила. Уже щекочет внутри нахальным озоном счастья... Господи, как хорошо, что она это умеет! Вернее, душа умеет...

Ого! Еще ветер прилетел, как по заказу, более мощный, порывистый. Специально для нее, наверное. Сейчас ветер устроит концерт с тополем – тоже специально для нее. Потому что она – слышит...

Да, это всегда был концерт. Ветер – дирижер, огромный тополь во дворе – оркестр. Кто-нибудь знает вообще, что нижние ветки тополя и его верхушка звучат под ветром в разной тональности? Нижние – мажором с ленцой, верхние – органным торжеством минора, с каждой секундой разрастающейся ввысь и вширь музыкой миллиардного шелеста? Не слышали? А как эта музыка утягивает за собой – не чувствовали?

Ах, жаль, в комнате телефон надрывается. Не вовремя, жаль. Прости, ветер, прости, тополь. Придется выйти из концертного зала...

– Мам, кино кончилось, мы домой идем! Можно, Женька сегодня у нас заночует? Она опять с бабкой поссорилась.

– Конечно, можно, Маш. Чего спрашиваешь.

– Ага... Ну, мы сейчас, уже через полчаса... Ты еще не спишь?

– Нет, Машуль.

– А чего делаешь?

– Да так... На балконе стою.

– Опять ветер слушаешь? Какая ж ты у меня романтическая, мам... Как тургеневская барышня.

– Ладно, сама такая. Давайте, дуйте домой, я жду.

– А ужин есть? Женька, ты же знаешь, вечно голодная!

– И ужин есть, Машуль. По-моему, котлеты еще остались... То есть я хотела сказать, что на ужин у нас котлеты, очень вкусные, между прочим, из рыночной телятины.

– Ух ты, класс... Все, мы с Женькой бежим к котлетам!

Положила трубку, усмехнулась. Хорошо, Герман не успел все котлеты слопать! И с удовольствием поймала себя на этом легкомысленном «слопать»... Молодец, справилась, значит. И пусть Машка сколько угодно насмешничает относительно ее излишней якобы романтичности. А что, в самом деле? Чем можем, тем и спасаемся!

Положила трубку, отправилась на кухню – оставшиеся котлеты разогреть. И салат надо нарезать – Женя любит салат...

Вот все-таки странно, отчего Машка выбрала себе в подружки эту девочку. Совсем разные характеры... Машка – женственная блондинка, мягкая, смешливая, добродушная. А Женечка, она такая... Слишком суровая для юного возраста. Резка в суждениях, угловата, порывиста. Сначала скажет, потом подумает. Причем так может сказать, на грани наивного хамства, что оторопеешь порой... И природа у нее суховато-смуглая, кареглазая и темноволосяя, то есть блондинистой Машке прямо противоположная. В общем, как тут любимого Александра Сергеевича не вспомнить – они сошлись, волна и камень, стихи и проза, лед и пламень... Как встретились на первой лекции еще в сентябре, когда в свой юридический поступили, так сразу и подружились. Машка даже своих школьных подруг забросила – все у нее теперь Женька да Женька... Женька сказала, Женька посоветовала...

Вот и сейчас проблемы с этой Женькой – опять с бабушкой поссорилась. Интересно, что там за бабушка такая, что она вечно с ней ссорится? Наоборот, радовалась бы, что ей, иногородней студентке, приходится не в общежитии жить, а у бабки в большой квартире... Или та бабка, как владелица частной собственности, тоже через девчонку самоутверждается? Но вроде – не должна... Все-таки родная внучка...

Ага, пришли. Дверь в прихожей хлопнула. Высунулась из кухни, пропела ласково:

– Девочки-и-и... Мойте руки и за стол, все готово...

Женя зашла на кухню первой, села за стол, произнесла виновато:

– Вы извините, тетя Лиз, опять я своей ночевкой вас напрягаю... Надоела я вам, да?

– Да брось, Женечка. Ничего страшного. Как в кино сходили? Понравился фильм?

– Да хреновый какой-то... Ой, простите, тетя Лиз. Это Машка меня затащила, ей такие романтические сопли нравятся.

– И ничего не сопли! – влетела в кухню Машка, чмокнула ее в щеку. – Женьке все, что про любовь, сразу сопли! А я вон урелась вся! Спасибо, хоть в кино можно на настоящую любовь поглядеть! В жизни все равно такой не бывает!

– Вот именно – в жизни и не бывает, – усмехнувшись, язвительно произнесла Женя. – В жизни все гораздо прозаичнее, с жестким подтекстом. Если уж и случается у кого эта самая любовь, потом все равно заканчивается разделом совместно нажитого имущества. Вот я бы, например, вообще браки по любви на законодательном уровне запретила...

– Ну что ты, Женечка... – рассмеявшись, погладила она девчонку по плечу, – что ты такое говоришь, милая...

– А что? Правильно я говорю! Сначала каждый свое имущество наживите, шишек себе понабивайте, а потом уж и влюбляйтесь на здоровье, женитесь-разводитеесь... Во всем честность нужна, тетя Лиз!

– Мам, да не обращай внимания... – легкомысленно махнула рукой Машка, уминая за обе щеки котлету. – Это Женька сегодня от бабки завелась. Представляешь, как она ее обозвала? Алчной нищесборкой, во как! Родную внучку, представляешь?

– Ничего себе... – Лиза сочувственно покачала головой. – А почему она... так?

– Да она, тетя Лиз, вчера в нотариальную контору наведлась, завещание на квартиру на меня оформила... Вот теперь ее жаба и душит. Нет, ну я-то тут при чем, вот скажите, а?

Женька отбросила вилку, сложила подбородок в ковшик ладоней, сердито отвернулась к окну. Вздохнула, нервно дрогнув крыльями аккуратного носика.

– Жень... Да ладно, не обижайся на старого человека. К возрасту нервная система истончается, злые эмоции уже не контролируются... Она ведь, по сути, хорошее для тебя дело сделала, Жень!

– Ага, как бы не так... Знаете, как она мою маму этим завещанием изводила? Все твердила – государству отдам, государству... Сколько себя помню, только и делала, что этим государством пугала. А когда я школу оканчивала, условие поставила, что напишет завещание на меня, если я с ней жить буду... И это... Как его... Доказывать. Горшки с памперсами за ней выносить. Мама тогда прямо как с ума сошла... Вот, говорит, Женя, твой счастливый билет, сразу двух зайцев убьешь! Пока в институте учишься, и в общежитии не придется жить, и потом... Тоже без жилплощади не останешься! Окончишь институт, бабушку это... Доходишь, в общем... И заживешь, как человек! Сама бы попробовала с ней жить, я бы на нее посмотрела!

– А чья она мама, Женечка?

– Да папина, чья... То есть маме свекровью приходится.

– Что ж, понятно... А ты бабушку предупредила, что ночевать не придешь?

– Еще чего! Обойдется!

– Но ведь она, наверное, волнуется...

– Она?! Да прям... Она не волнуется, она желчь копит, чтобы в другой раз побольнее выстрелить... Нет, придумала же, скажите? Алчная нищевродка, главное... Сама настояла, сама же и обзывается... А мне что теперь делать прикажете? А потом что будет, когда и впрямь дело до памперсов дойдет? Представляете, что меня ждет, тетя Лиз?

– Ну все, все, успокойся. Ешь котлеты, а то остынут.

– Да не могу я, тетя Лиз... Меня от злости разрывает всю! Не смогу я с ней жить! Что мне теперь делать-то?

– Терпеть, Женечка. Делать скидку на возраст, на характер, на обязательства.

– Какие обязательства? Нет у меня никаких обязательств!

– Как это – нет? Она же твоя бабушка. Все равно ж ты ее не бросишь в беде, независимо от того, есть или нет завещание... Ведь правда?

– Не-а. Нет, тетя Лиз. Легко брошу. Она же мне никогда настоящей бабушкой не была. Ну, в добром смысле этого слова. Она всегда и всех ненавидела. И маму, и папу, и меня. Просто ей теперь поизгаляться надо мной захотелось. Свежего мяса откусать, так сказать.

– Да ладно, Женька, не нагнетай! – снова махнула рукой Машка. – Чем больше нагнетай, тем больше заводись! А бабушка твоя только того и ждет, чтоб ты завелась! Не думай, забей... Ну, представь, что ты санитаркой в сумасшедшем доме работаешь! За квартиру, как за зарплату! И пусть она говорит, что хочет... А ты про себя усмехайся...

– Да, тебе легко говорить... А у меня внутри кипит все! Фу, даже жарко стало... Открой окно, а, Машк? И правда жарко...

Машка с готовностью подскочила, потянула на себя створку окна. Хотела было вернуться на место, но задержалась взглядом на горшке со злосчастной бегонией... Господи, как она про этот чертов окурок забыла?! Герман же свой наглый окурок в горшке оставил!

– Мам... Что, папа приходил, да?

У нее сердце дернулось болью – таким жалобным сочувствием прозвучал Машкин голосок...

– Да, приходил. Все нормально, Маш.

– Что... Опять, да?! Опять квартирой пугал?

– Маш, давай не будем об этом... – осторожно покосилась она на Женьку.

– Да ладно, чего ты! Женька давно уж в курсе, я от нее ничего не скрываю. Мам, надо что-то с этим делать! Иначе он всю жизнь будет вот так приходить, и ты всю жизнь будешь чувствовать себя несчастной! А я... А я всю жизнь буду на него злиться! И вот это ты называешь нормальной ситуацией, да? Еще хуже, чем Женькина...

– Не надо так о нем, Маша. Он твой отец. Кстати, он просил, чтобы ты ему позвонила после пятнадцатого.

– А до пятнадцатого что, нельзя? Регламент отцовской любви установлен?

– Нет. Он имел в виду, что у него деньги будут после пятнадцатого. Скоро же плату за учебу надо вносить.

– Ой, господи, да не возьму я от него никаких денег! После сессии куда-нибудь подработать устроюсь, сама себе учебу оплачу! И не надо, если он так... Над тобой издевается...

– Он не издевается, Маш. Он просто сам себя не слышит, не понимает. Для него это норма поведения, только и всего. Напомнить о себе таким образом, показать, кто в доме хозяин...

– Да какой хозяин, блин! Вы же три года уже как развелись! А он все ходит и ходит в обнимку со своей нормой поведения! Нет, не могу я так, блин...

– Маш... Давай без блинов, пожалуйста.

– Да могу и без блинов, конечно. Только от этого мое возмущение меньше не станет. Нет, ну надо же... Опять приходил, блин...

– А в самом деле, тетя Лиз! – вдруг смело встряла в их диалог Женька. – Я, кстати, давно с вами хотела поговорить на эту тему, да все как-то недосуг было. Ну, то есть юридически ее обговорить, беспристрастно и объективно. А с Машки чего взять – у нее одни эмоции на уме. К тому же она бесхребетная, толком за мать постоять не может. Тем более, как ни крути, а это ее отец. Значит, беспристрастный подход к проблеме с ее стороны уже невозможен. А со мной... Со мной можно, тетя Лиз. Может, обсудим ситуацию, а? Ну, представьте, что вы пришли на консультацию в адвокатскую контору... Мы ж с Машкой будущие юристы, как-никак!

Она сидела, с удивлением разглядывала Машкину подружку – надо же, смелая какая! Выкроила время, значит, ее проблему разрешить, а раньше, смотрите-ка, недосуг было! И без всяких извинительных экивоков и неловкостей обошлась, и забыла уже, что минуту назад над своей ситуацией плакала... Вот она, будущая профессиональная смелость – чужую беду руками разведу! Нет, Машка такой решительной никогда не будет... Может, зря она в юридический подалась...

– Чего вы на меня так смотрите, тетя Лиз? Думаете, я слишком бесцеремонная, да? Нет, я вовсе не такая... Просто терпеть не могу, когда хамская сила издевается над слабостью и робостью.

– Да дело тут не в слабости и робости, Жень. Дело в том, что сила на его стороне, пусть и хамская. И с этим ничего не поделаешь, такой уж он человек. Мы же в разводе, вот и получается, что я юридически не член семьи и права на проживание на его площади не имею.

– А вот и не так, тетя Лиз! Это он вам внушил, а вы и поверили! А на самом деле все не так, я специально закон смотрела и с преподавателем по жилищному праву эту ситуацию обсуждала! Он сказал – надо в суд исковое заявление подать, чтобы получить на руки решение с правом проживания на определенный срок! Вы ведь сможете доказать, что у вас нет иного жилого помещения, кроме этого?

– Да какое у меня иное жилое помещение, Жень...

– И что возможности для приобретения тоже не имеется? Вам на работе справку о вашей зарплате за последние годы сделают?

– Ну, допустим.

– Вот. Вот! Считайте, что судебное решение с законным правом проживания лет на пять у вас в кармане! А это уже не баран чихнул, это уже документ, между прочим! Вот представьте

– заявляется он со своим хамством, а вы ему – судебное решение под нос! Пожалте бриться, дорогой бывший муж, частный собственник!

– Женьк... Да ты просто моего папу не знаешь... – вздохнув, грустно проговорила из своего угла Машка. – Нет, с ним так нельзя, что ты. Он... Он тогда еще больше озверевает. Он тогда вообще может квартиру продать... И куда мы с мамой тогда пойдем? К твоей бабке в сиделки наниматься?

– Ну да, вообще-то может и продать, право имеет... Тогда и у членов, и у не членов семьи право пользования автоматически прекращается... – задумчиво проговорила Женька, почесав подбородок. – Ни у тети Лизы, ни у тебя в этом случае никаких гарантий нет... А что же тогда делать-то, а?

– Да ничего не надо делать, Женечка. Надо просто научиться терпеть. И не просто терпеть, а терпеть, не разрушая себя.

– И вы думаете, это возможно?

– Да я уж научилась... Человек всему может научиться, Женечка.

– Ну, не знаю... Я вот на своих родителей смотрю и поневоле сравниваю ситуацию... У них ведь примерно то же самое происходит, только с точностью до наоборот... В нашей семье папа такой же терпила, как вы.

– Кто? Терпила? Эка ты нехорошо сказала, Женечка...

– Ну, извините, конечно, может, я слово слишком грубое подобрала. А только иначе его и не назовешь. Вы бы слышали, как мама на нем отрывается! Даже при коллегах его самолюбия не щадит! Они, знаете ли, работают вместе, в одной школе. Мама – директор, а папа – учитель русского языка и литературы. Одна профессия уже о многом говорит, правда? Где ж это видано – мужик, и учитель литературы...

– Ну что ж ты так об отце-то, Женечка! Раньше вон в гимназиях все словесники мужчинами были. И никого это обстоятельство не удивляло, наоборот...

– Так то раньше! Да и когда это было, при царе горохе! Нет, вы не думайте, я несколько папиной профессии не стесняюсь, я его очень люблю. Но вот мама... Иногда я просто слышать не могу, как она его унижает! Ну разве так можно, скажите? На фига тогда было замуж выходить? Если уж такая волевая и сильная, нашла бы пару по себе, правда? Так ведь нет, ей даже нравится его унижать, самоутверждаться за его счет! Знаете, я даже думаю порой, что именно с этой целью она его себе в мужья присмотрела... И Машкин отец на вас женился наверняка по тому же принципу... Нет, как глупо все, как неправильно! Не должен сильный слабого унижать, не должен!

– Что ж... Очень хорошо, что ты это понимаешь, Женечка. Только, знаешь... Если сильный взял себе за правило унижать слабого, то еще неизвестно, кто из них на самом деле слабее. Всегда можно под шелухой эмоций обнаружить слабость сильного и силу слабого.

– Ну, это уже спасительная философия, тетя Лиз. Я вот, как будущий адвокат, всегда буду на стороне слабого, без всякой эмоциональной шелухи. И сама никого унижать не буду.

– Ой, да не зарекайся ты, Женька... – тихо произнесла Машка, вяло махнув ладошкой. – Тоже нашлась, Робин Гуд в юбке... Идеалистка ты, Женька, а не будущий адвокат! Кто больше денег даст, того и защищать будешь. За деньги и слабого сильным сделаешь, и наоборот...

– А я сказала, не буду, значит, не буду! – сердито сверкнула карими глазами Женька. – Хочешь, вот прямо сейчас, на вашей кухне, поклянусь? Я, Евгения Александровна Иваницкая, наученная горьким опытом своей собственной семьи и семьи своей подруги Машки Крутилиной, никогда не позволю себе унижить слабого! Иначе не быть мне адвокатом Иваницкой Евгенией Александровной во веки веков...

* * *

– ... Нет, я на тебя удивляюсь, Иваницкий... Ты что, решил на дому спецшколу для тупых гегемонов устроить? Совсем уже обалдел...

Ирина говорила свистящим злым шепотом, помешивая варево в кастрюле и чуть развернувшись к нему своим внушительным корпусом. Оглянувшись на дверь, он произнес виновато:

– Тише, Ирина... Там же все слышно.

– Да мне наплевать! Я что, и дома должна эти рожи терпеть? Я и без того в школе каждый день их наблюдаю. Надоело, спасибо. Могу я хотя бы в свое законное воскресенье отдохнуть в спокойной домашней обстановке?

– Хорошо. Я через пятнадцать минут его отпущу.

– Нет! Никаких минут, хватит! И вообще, обедать пора!

– Хорошо. Сейчас я его отпущу.

Саша зашел в гостиную, виновато глянул на скукожившегося в кресле «гегемона». То есть не на гегемона, конечно, а на выпускника этого года Ваню Литовченко. Ваня тоже глянул на него виновато, и по лицу его Саша понял, что кухонный разговор он слышал, конечно. Хоть и говорила Ирина шепотом. Просто шепот у нее такой – директорский.

– Так, Вань... Значит, ни Фадеева, ни Бабеля ты так и не прочитал.

– Не-а, не прочитал. Вы же знаете, Александр Сергеевич, я всю третью четверть в больнице с сотрясением мозга провалялся.

– Ну, ладно... Теперь уж все равно не успеешь. Давай мы так поступим... Завтра приходи часикам к семи в школу, хорошо? Я тебя постараюсь в пробелах сориентировать... Хотя... Ну, в общем, приходи. Может, и повезет тебе, и попадетсЯ нормальный тест на ЕГЭ...

– Спасибо, Александр Сергеевич. Ну, тогда я пошел?

– Иди, Ваня.

Он неловко выкарабкался из кресла, по-медвежьи на цыпочках пошел к выходу из комнаты. Проходя мимо кухни в прихожую, втянул голову в плечи. Экий увалень – с грустью подумал Саша, глядя ему вслед. Голову от неловкости в плечи вжимает, а в драку сам полез... После этой драки и устроил себе сотрясение мозга, теперь сдавай экзамены, как хочешь. А впрочем... Вряд ли Ваня Литовченко и без сотрясения мозга принялся бы Фадеева с Бабелем читать. Но хоть на уроках бы присутствовал, что-нибудь бы да уловил...

– Иваницкий, где ты там? Проводил своего придурка? – выглянула из кухни Ирина. – Мой руки, обедать садись!

Почему-то она всегда звала его по фамилии. Как сама объясняла – фамилия была основным его достоинством. Шутливо так объясняла... Но улыбалась при этом грустно и саркастически.

На обед Ирина приготовила борщ. Поставила перед ним тарелку, нарочито аккуратно плюхнула в красновато-бурую сердцевину ложку сметаны. Она в это воскресенье все делала будто нарочито. Будто очень старалась сдержаться. И видит бог, он понимал, что ее раздражает, и ждал...

– Ну что, весь свой бисер рассыпал, Иваницкий, или чуток осталось? Поумнел после занятия с тобой Ваня Литовченко? Проникся любовью к русской литературе после бесплатного репетиторства?

Все время одно и то же – рассыпание бисера перед свиньями. И бесплатное репетиторство. Темы не новые, зато Ирину раздражение свеженькое, с утра народившееся. Можно, конечно, сказать в ответ что-нибудь такое... Мужское, твердое, хлесткое. А еще лучше – стукнуть ладонью по столу – не заводись, мол, Ирина! Хватит уже! Да, гипотетически можно, конечно, отчего ж нет. А только все равно не поможет. Лишь подхлестнет...

– Жалко мальчишку, Ирин. Завалит экзамен.

– Да ясно, что завалит. И не потому, что три месяца в больнице пролежал. А потому, что тупой. Не нужен ему твой Фадеев с Бабелем, понимаешь ты это или нет? Не ну-жен. По определению просто.

– Ирина, пойми, но нельзя же так... Не давать парню никаких шансов...

– А как можно? Как? С копьём Дон Кихота на ветряную мельницу? Нет уж, это ты, Иваницкий, ничего не понимаешь! Живешь, как в тумане, все тебе мифические какие-то шансы видятся! Какие шансы, Иваницкий? Ты что, не понимаешь, с кем дело имеешь?

– Ну, и с кем?

– С природным быдлом, вот с кем! И ладно бы еще на платной основе, как все порядочные педагоги... Да только многодетным родителям Литовченко и в голову не приходит, что за репетиторство и подготовку к экзаменам надо деньги платить! Их дело – родить, а что и как дальше с ребенком будет... Они ж все в основной массе такие! Раньше хоть в ПТУ можно было после восьмого класса их сливать, а теперь...

– Они тоже люди, Ирина.

– Ага. Скажи еще – наш великий народ.

– Да, именно так. Народ.

– О боже, Иваницкий... Уж не великим ли подвижником ты себя считаешь, а? Сеятелем разумного, доброго, вечного? Может, тебе манию величия слегка поубавить? Да ты хоть знаешь, как над тобой в школе смеются, сеятель ты несчастный?

– Я не сеятель, Ирина. Я обыкновенный учитель русской словесности. Я просто стараюсь хорошо делать свое дело.

– А я, директор школы, значит, не стараюсь?

– И ты стараешься. Только ты формально стараешься, а я так не могу.

– Ага? Не можешь, значит? А что ты можешь? Великой русской литературой народ спасти? Поэзией Серебряного века до душ достучаться? Миссия такая у тебя, да?

Она распалась в своем сарказме все больше и больше. Казалось, даже в объеме увеличивалась от избытка сарказма. И еще ему казалось – она дрожит вся. Будто сидящая в ней раздраженная неприязнь ходит по телу волнами. К вечеру, значит, опять давление поднимется... Наверное, не надо было ей отвечать. Просто молчать, и все.

– Это же смешно, Иваницкий! То, что ты себе в больной голове вообразил, – смешно! Нет, я не говорю, что ты учитель плохой... Уж мне ли твоих заслуг не знать? Да, про твои показательные уроки даже в областном министерстве образования знают... Все это так, не спорю. И школе опять же плюс. Формальный плюс, только и всего! А по большому счету... Это ж никому не нужно по большому счету! Это все тот же бисер перед свиньями, Иваницкий!

– Да ради бога, Ирина. Можешь считать, как хочешь, это твое дело. Но я, например, никогда себе не позволю преподавать детям литературу исходя из этого постулата. Если хоть одно зерно в детской душе останется...

– Ну да, а как же! Смотрите-ка, именно к этому и пришли! – она воздела полные руки над головой, словно призывая к сочувствию третьего невидимого собеседника. – Я ж говорю – сеятель! Подвижник на мою голову, мать твою! Придурок ты, Иваницкий, а не подвижник, понял? Ой, придурок... Идиот, как есть идиот...

Он осторожно выпрямил спину, отодвинул от себя пустую тарелку. Ну, вот, уже и до прямых оскорблений дошло. Сейчас еще хуже будет.

– Нет, как я с тобой живу, Иваницкий, объясни мне! Да ты... Да от тебя даже мужиком не пахнет, если хочешь знать! В нашей семье я мужик, а ты – баба! Причем никудышная баба! Я одна кручусь, кручусь, как белка в колесе... Вроде и карьеру сделала, а что толку? Мужика-то в доме все равно нет... Крыша вон протекает, холодильник скоро сломается, машина в гараже не на ходу, отремонтировать некому! Чего ты на меня так смотришь, Иваницкий? Обидно тебе

все это слушать, да? По нежной душе кулаком бью? А ты не слушай, ты иди машину лучше отремонтируй! Можешь даже для вдохновения томик Андрея Белого с собой в гараж взять!

– Я не умею ремонтировать машину, Ирина, ты же знаешь. В понедельник я ее в сервис отгону.

– Да? А что ты умеешь? Классиков перечитывать? Так я тоже умею... Давай тогда все проблемы забросим, ляжем рядком на диванчике с книжечками, пусть оно все катится в тар-тарары! Ну, чего смотришь? Иди давай, отремонтируй машину!

Лицо ее постепенно наливалось краской, в глазах сверкало злобное раздражение. Ему казалось, что оно тычется ему в грудь, хватая ледяной лапкой за сердце, и страшно хотелось прикрыться руками, не впускать его в себя, отодрать, отдернуть, как плотную паутину... И еще он знал, что надо молчать. А что толку на скандал заводиться? Да и не умеет он заводиться, для этого особый нахальный талант нужен. Нет у него такого таланта. Бог не дал. Вот взял и обделил, и живи, как хочешь.

– Иди, чего сидишь! Ну!

– Хорошо, я пойду, если ты настаиваешь. Но машину я отремонтировать все равно не смогу. Я не умею. Каждый должен заниматься своим делом, Ирина.

Ну вот для чего он последнюю фразу сказал? Откинулась на спинку стула, вдохнула в себя воздух с таким возмущением, что всхлипнуло в груди, отвела в изнеможении плечи назад. От напряжения, видимо, расстегнулась верхняя пуговка халата, обнажив два холмика полной груди, выбившихся из чашек бюстгальтера. Казалось, эти холмики тоже дрожат возмущением и неприязнью, и прут из кружевных чашек, как перебродившее тесто. Отвел взгляд, будто удивившись своих мыслей – тоже, по сути, неприязненных...

– Ах, вот как, значит... Каждый своим делом, да? А у тебя, надо полагать, есть свое дело? И оно, это дело, семью кормит? И на доходы от этого дела ты живешь? Учебу дочери оплачиваешь? И ремонт машины в сервисе тоже? А тебе не стыдно про свою работу с копеечной зарплатой говорить – дело?

– Нет. Не я эту зарплату придумывал. А дело есть дело, и мне за него не стыдно.

– Ну да... Тебе не стыдно, конечно. А то, что нашей дочери приходится твоей безумной мамаше кланяться, чтоб завещание заслужить, это, конечно, мелочи. Представляю, как она там над ней издевается...

– При чем тут моя мама, Ирина?

– При том! При том, что мы Женьке в городе никогда квартиру не купим! Ой, да что я тебе буду объяснять, господи... Тебя ж судьба дочери вообще мало волнует, одно разумное-доброе-вечное мозги застило... Как я живу с тобой столько лет, Иваницкий, вот объясни мне?! Может, уже разведемся, наконец?

Он поднял на нее глаза... Видимо, она что-то прочла в его взгляде. Может, оттуда тоже неприязнь выплеснулась, ухватила за горло цепкими лапками. Молчаливая неприязнь. Хотя какая неприязни разница, громкая она или молчаливая? Суть-то у нее одна. Неприязнь на неприязнь, разряд искрящейся дуги, шелчок... И все. И катарсис. Даже краска с Иринино лица сразу схлынула, и потянулась дрожащая ладонь, чтобы застегнуть пуговку на халате. Моргнув пару раз, произнесла уже спокойно, как ни в чем не бывало:

– Слушай, а у тебя что, и впрямь утро понедельника свободное, можешь машину в сервис отогнать? У меня-то с утра комиссия в муниципалитете...

– Да. У меня утро свободное. Я отгону.

– Ага... Надо в следующий выходной обязательно к Женьке в город сгонять, узнать, как она там с мамой справляется. Ты ж знаешь, она у нас девушка неуживчивая. Хотя по телефону говорит – все нормально... А только не верится что-то...

Надо же, какая удивительная трансформация... А голос, голос какой! И не узнать! Тихий, спокойный, ровный, ни одной раздраженной нотки. И взгляд... Тоже спокойный. Виноватый немного. Встала из-за стола, принялась собирать посуду. Ласково бросила мимоходом:

– Тебе чаю налить?

– Нет, спасибо.

– Ну, как хочешь.

Надо бы встать, уйти молча. Но напала вдруг слабость, нехорошая, тошнотворная слабость-послевкусие. Вот вам и разница между неприязнью выплескивающейся и неприязнью молчаливой. Ирина свою в него выплеснула и, стало быть, избавилась, и даже повеселела будто, а он... А в нем теперь эта слабость надолго останется. Ладно, черт с ним. Зачем себе в плюс, что несчастной жене хоть таким образом жизнь облегчил... А что – это своего рода поступок. Можно сказать, мужской поступок – избавил жену от тяжкого груза. Только вот разговаривать с ней совсем не хочется. Надо встать, уйти...

Ирина повернулась к нему спиной, открыла краны над раковиной, принялась с энтузиазмом перемывать посуду, напевая себе что-то под нос. Какая широкая у нее спина, сильная, заматеревшая с годами. Не расплывшаяся, а именно заматеревшая. Руки шевелятся, а спина словно каменная. Стриженный мощный затылок, на шее с годами горбик-загровок пророс... Надо бы отвести взгляд от ее загривка, не культивировать в себе... Что? Неприязнь? Да, брат, уж назови свои сиюминутные ощущения словами. Да, брат, это неприязнь. Подруга нехорошей тошнотворной слабости-послевкусия. Как там, бишь, у Толстого, в «Анне Карениной»? Когда она мужа разлюбила, ей в глаза его уши неприязнью лезли?

Любила, разлюбила. С ней, с Анной Карениной, все понятно. Разлюбила, потому что Вронского полюбила. А до этого, стало быть, как предполагается, была любовь к несчастному Алексею Александровичу.

А он... Любил ли он Ирину? Наверное, любил. Да, точно, любил. Тогда, на первом курсе филфака, она была живая, веселая, искрящаяся шумным юмором девушка, все время хотелось на нее смотреть, улыбаясь... Он и смотрел, пока она сама к нему не подошла. Куда-то она тогда его пригласила... В театр, кажется. Да, точно, у нее был лишний билет на гастрольный спектакль... А может, потому и подошла, что подойти больше не к кому было, он же тогда был единственным парнем на потоке... Тихий, молчаливый Саша Иваницкий, мальчик из хорошей семьи. Стихи ей потом читал, под звездами гуляли... Странно, что она и маме сразу понравилась, с первого взгляда, когда в дом ее привел. Вот! Вот такую жену тебе надо, не жена, а каменная стена! Так она, кажется, тогда и провозгласила, указав на Ирину перстом. Ну, мама всегда была по отношению к нему уничижительно эксцентрична. Мама... Что, мама. Мама – это уже другая история...

А каменная стена – вот она. Сиди, смотри на нее, наслаждайся семейной жизнью. А лучше все-таки встать и тихо уйти из кухни...

* * *

Оперировал сегодня сам Борис Иваныч, заведующий хирургическим отделением. Случай был, в общем, несложный – грыжесечение по Бассини. Лизу всегда умиляли эти названия операций – по фамилиям предложивших их авторов. А звучит как внушительно для неискушенного уха – грыжесечение по Лихтенштейну, например! Или грыжесечение по Дюамелю!

Руки автоматически делали свою работу, иногда мысленно опережая команды Бориса Иваныча. И то, вместе они таких операций провели – со счета сбиться. Он, между прочим, всегда ее щедро хвалил... Говорил, что она лучшая операционная сестра хирургического отделения.

Ну, вот и все. Можно уже полость закрывать. Ее дело – внимательно инструменты и перевязочный материал пересчитать. Сосредоточенность, еще раз сосредоточенность. Острый взгляд на каждый инструмент на предмет исправности. Движения рук четкие, без лишней суетливости.

– Все, Лиза... – стянул маску с лица Борис Иванович. – Молодец, как всегда... Не забудь потом в журнале отметки сделать.

Лиза глянула на него с удивлением – когда это она чего забывала? Но головой послушно кивнула – поняла, мол. Не надо Бориса Ивановича лишними эмоциями сердить. Тем более разговор к нему есть... Вернее, просьба...

Она все утро, пока собиралась на работу, про себя репетировала этот разговор. Да чего там утро – всю ночь про него думала. Решалась. Выстраивала стратегию и тактику. И даже не разговора, в общем, а дальнейшей своей жизни. Нет, правда, сколько можно так жить, от нового появления Германа до следующего? Как по канату идти... И самой себе командовать – стоять, Лиза, стоять! Жить, Лиза, не падать в омут отчаяния! Хорошо хоть, она это умеет... А если в следующий раз не получится? Спасительная внутренняя гармония – она ж тоже не резиновая, она очень хрупкая, между прочим, субстанция. Начнешь часто эксплуатировать по пустякам, и сбой дать может. А там уж и до отчаянных омутов рукой подать...

Через полчала она осторожно стукнула костяшками пальцев в дверь кабинета Бориса Ивановича. Приоткрыла дверь, заглянула:

– Можно, Борис Иванович?

– А, Лизок, заходи! Что у тебя, давай быстрее, работы много!

– Я... У меня... У меня личный разговор, Борис Иванович...

– Ого! Личный, говоришь? Неужели в любви объясниться надумала?

– Да ну вас... Я же серьезно...

– Ну, слушаю, коли серьезно. Садись, чего стоишь.

– Борис Иванович... – произнесла она почти решительно, присаживаясь на краешек стула. – Похлопочите, пожалуйста, там, наверху, чтобы мне комнату в общежитии дали... Живут же наши девчонки-медсестры в комнатах, как-то же их расселяют! Может, и мне...

Сказала – и опустила глаза вниз, пытаясь справиться с предательски слезным спазмом в горле. Вот же, этого еще не хватало! Репетировала же, чтоб не заплакать!

– Тихо, тихо, Лизок, успокойся... Водички дать?

– Нет. Не надо. Все нормально, Борис Иванович.

– Что? Опять, значит, твой разлюбленный бывший навевался?

– Опять...

– Права на частную собственность предъявлял?

– Ну, не то чтобы... А в общем, да.

– Вот же скотина, а? Что ж он у тебя подлец такой? Хотя – чего я... Тебе ж от этого не легче...

– Так можно... Как-то насчет комнаты?

– Ой, не знаю, не знаю, что тебе сказать... Не сходила бы ты с ума, Лизавета. Ну что тебе в этой комнате? Это ж общага все-таки, дело молодое... Там одни соплюхи живут, им же все трын-трава. А ты женщина взрослая, ты это дело не потянешь. А самое обидное – ты ж там на всю оставшуюся жизнь так и застрянешь, в общаге этой... Знаю я, видал таких баб горемычных. Вроде и добрые, и порядочные, а выйдут на пенсию, и живут в этих общагах, как жизнью наказанные... Нет, Лизок, не дело ты придумала, ой, не дело.

– Но... Как же мне тогда жить, Борис Иванович? Что делать-то?

– А ничего! Живи, как жила. Что ж ты этому подлецу такие подарки будешь делать? Вот если будет у тебя комната, тогда уж он точно тебя через суд выпишет! А так... Живи себе и живи, ничего не бойся! Не обращай на него внимания!

– Трудно, Борис Иванович. Трудно не обращать внимания. Я стараюсь, конечно, изо всех сил...

– Да уж, положеньице у тебя – не позавидуешь. Бедолага ты, бедолага. А родственников совсем никаких нет, чтобы с жильем помогли?

– Совсем. Была тетка, но умерла. Еще троюродные сестры есть, но они... Они со мной не знают. Я для них – отрезанный ломоть.

– Понятно... Слушай, а может, тебе в частную клинику перейти, а? Там зарплаты приличные, ипотеку оформишь... Хочешь, я похлопочу? Конечно, не с руки мне с тобой расставаться, как от сердца отрывать... Лет-то тебе сколько, Лизавета?

– Сорок три в сентябре будет.

– О! Так много? А я и не думал... Нет, Лизок, не дадут тебе ипотеку. Банки сейчас таких рисков не любят, знаешь... Да и первоначального взноса у тебя нет. Ведь нет?

– Нет. Откуда? – грустно пожала она плечами.

– Ладно, Лизок... Не отчаивайся, что-нибудь придумаем. Хотя – чего тут придумаешь... А насчет общежития – не надо, Лизок, уж поверь мне, старому дураку. В общежитие ты всегда успеешь. Ладно, иди, у меня еще дел полно.

Она потом все же всплакнула быстренько, закрывшись в комнате кастелянши Валентины Антоновны. Хорошо, что ее в этот момент куда-то унесло. Времени особо и не было – пора смену сдавать...

Домой решила идти пешком, благо погода на улице стояла чудесная. Начало июня, пух летит над головой нежным снегом, и к вечеру солнце уже не яростное, а слегка расквасившееся после дневных стараний. Не идешь, а плывешь в его теплом мареве, и думать про плохое не хочется...

Однако все равно думается, как ни старайся. Поневоле крутятся в голове обрывки печального разговора с Борисом Ивановичем. Да уж, мрачную перспективу он высветил – встречать старость в общежитии... До старости, конечно, еще о-го-го сколько, но ведь годы-то быстро идут! Не заметишь, как Машка замуж выскочит, и дай ей бог хорошей судьбы... Пусть, пусть у нее все будет, как надо. Пусть никогда в ее отчаянном положении не окажется. Да и Герман дочь любит, не даст ей зависнуть в подобной безысходности. Поможет, если что. А ей... Ей уже никто не поможет. Зависла – живи, как хочешь. Бултыхайся в пространстве меж одиночеством и смутной надеждой обрести тихую пристань. То бишь хоть убогонькое, но свое жилье... Даже смутной надежды – и той нет. Одна сплошная безнадега.

И почему у нее судьба такая разнесчастная? Вроде руки-ноги на месте, и работа есть, и здоровьем бог не обидел, а на квартиру, хоть сутками в больнице вкальвай, все равно не заработаешь! Хотя – чего тут вздыхать... Глупо и смешно вздыхать. Обычная история с этой квартирой – история всех разнесчастных бюджетников. Не одна же она в дурацком подвешенном состоянии находится. Это времена такие, отвергающие скидку на человеческий фактор. Времена, диктующие свою «свободу». Времена, цинично заявляющие – давай, поворачивайся, делай хоть что-нибудь, проявляй коммерческую деловую инициативу, крутись, зарабатывай... Ну да, оно так, конечно. Пресловутая «свобода» всех в одночасье под одну гребенку подстригла. Ей все равно, есть ли у тебя способность к коммерческой инициативе, или матушкой-природой ни грамма таковой не заложено, даже и самой мало-мальской, хоть насмерть убейся. Заложено, не заложено – а все равно крутись! Может, это и правильно, конечно, и вполне по Дарвину...

Никто и не спорит. Может, и по Дарвину. Вопрос только в том, кто должен Борису Ивановичу в операционной ассистировать? Кто будет всем «крутящимся», когда приспичит, грыжи оперировать, образовавшиеся от непосильного напряжения? По Бассини, по Лихтенштейну и по Дюамалю? Есть у «свободы» на это ответ? Ах, нет ответа... Ну что ж...

Хмыкнула насмешливо – эка сама с собой намитинговалась... Толку-то все равно нет, чего зря возмущением исходить. Прав Борис Иваныч – надо просто жить, плыть по течению, куда вынесет. И ждать... И непонятно, чего ждать. Наверное, когда совесть и бескорыстие на Германа снизойдут. И милосердие пополам с альтруизмом.

От этой глупой мысли опять слезы на глаза навернулись. Нет, чего сама себя раздраковала, спрашивается? Теперь попробуй, остановись...

Наклонилась, выхватила из сумочки темные очки, нацепила на нос. И впрямь – не идти же по улице с мокрыми глазами, прохожих пугать. Вздохнула, чтоб успокоиться, воровато смахнула горячую каплю, предательски выкатившуюся на щеку из-под оправы, хлюпнула носом. Скорей бы уж до любимой липовой аллеи дойти... Там – спасение, и там народу поменьше. И вообще, там ее любимое место. Липовая аллея – ее собственная счастливая территория. Плотный зеленый шатер над головой. Под ним она всегда чувствовала себя другой – и подбородок тянулся вверх, и спина сама собой распрямлялась. Даже походка становилась другой, неспешной, плавной от бедра... Походка уверенной в себе женщины. С нормальным чувством собственного достоинства. Вот странно – почему? Может, эта аллея какая-нибудь заколдованная? Или, наоборот, намоленная высшими добрыми силами? Специально для таких неуверенных и не особо достойных лучшей судьбы?

Вошла в нее, замедляя шаг. Хорошо, что она такая длинная, любимая липовая аллея. Можно идти долго-долго... Даже не идти, а плыть в шелесте смыкающихся над головой веток, в едва уловимых бликах солнечного света сквозь густую листву. Все-таки есть что-то фантастические в этой игре света и тени, в пляске солнечных зайчиков под ногами. Завораживающее. И такое сладко уверенное, как в детской игре – я в домике...

Можно, конечно, на старую скамью сесть, чтобы продлить удовольствие, но лучше – идти. Когда идешь, встраиваешься в гармонию танцующих бликов, и сама – будто танцуешь... На что этот танец похож? На вальс, конечно. Раз-два-три, раз-два-три, раз... Да, это вальс! Тот самый, на стихи Юрия Левитанского!

Что же из этого следует? – Следует – жить!
Шить сарафаны и легкие платья из ситца...

Пропела тихонько про себя, вздохнула... И остановилась, надолго задержав дыхание. Вот, вот оно, верный признак! Это значит, кусочек новой силы-энергии прилетел... Зашевелился внутри, удобно устраиваясь. Вполне себе ощутимый кусочек. Надо же, совсем ниоткуда! Из космоса! От высших добрых сил! Для поддержки уставшего от безнадеги духа! Как же она всегда остро чувствовала эти благие дары... С детства чуяла. А иначе – сгинула бы давно...

По крайней мере, вся ее сиротская жизнь к тому шла – чтобы непременно сгинуть. Жизнь не шибко баловала надеждами. Отца с матерью помнила смутно, можно сказать, вообще не помнила. Так, иногда давала о себе знать печальная зыбкая нежность, притаившаяся на генном уровне. Иногда всплывали их лица во сне, склонившиеся над ее детской кроваткой... Ей всего три года было, когда родители погибли, – что она там могла помнить?

Зато потом почему-то все отчетливо помнилось. Сначала лицо бабушки, желто-болезненное, крупчатое от мелких коричневых родинок, и ее тяжелая рука на плече. Не для того, чтобы приласкать, а скорее – на него опереться. И еда за столом невкусная, черствый хлеб да молоко, редко – пустой суп... Тетка потом рассказывала, что бабушка очень больная была, потому и умерла рано, до семидесяти лет не дожила. Только и успела ей письмо написать – приезжай, мол, Татьяна, забери сироту, не дай по приютам сгинуть, не прогневи бога...

Тетка была двоюродной сестрой матери, не такая уж и близкая родня, если судить по справедливости. Это уж потом выяснилось, на какую уловку бабка пошла, чтобы ее к тетке пристроить – обещала, что вместе с сиротой и квартира ей потом отойдет... Тетка, по всей

видимости, очень соблазнилась такой перспективой, опеку оформила, все честь по чести, бога не прогневила. А только не вышло у нее ничего. Когда бабка умерла, власти квартиру все равно отобрали. Тетка, конечно, потрепыхалась еще немного, пообивала пороги начальственных кабинетов и смирилась со своей судьбой окончательно. Правда, под плохое настроение частенько принималась ворчать, проклинала на чем свет стоит вероломный собес, городскую администрацию и опеку, лишивших бедную сироту своего угла. С одной стороны, вроде как из жалости к бедной сироте проклинала, а с другой... Просто свою досаду на ее сиротскую голову проецировала. Она это потом, когда чуть подросла, понимать стала. Нет, не обижалась, конечно. Какое уж там обижаться – быть бы живу да под горячую руку не угодить... Помнится, как только тетка заводила свою досадливую песнь про утерянную квартиру, сразу пряталась в уголок за диван, сидела, как мышка, слушала ее причитания и чувствовала себя страшно виноватой за ужасное поведение собеса, городской администрации и опеки. Да, пенсию маленькую назначили. Да, незаконно квартиру отобрали. Да, воспользовались теткинм великодушием, сбагрили сироту и руки отряхнули, бессовестные...

У тетки еще две дочери было, а мужа не было. Старшие сестры, по родственному статусу троюродные, ее тоже не шибко жаловали. Нет, особо не обижали, если не считать за обиду насмешливую снисходительность, чем-то похожую на отношение к котенку или щенку. Можно под хорошее настроение и приласкать походя, а под плохое и ногой отпихнуть, сердито выругавшись.

Она быстро научилась чувствовать это плохое настроение. Из деталей, из воздуха, из ничего. Например, как дверь в прихожей хлопнула, с досадой или нет. С каким лицом старшая сестра Надя из комнаты вышла – румяно выпавшимся или бледно бессонным. Или как другая сестра Рита по телефону разговаривает – мурлыкает или тараторит на одной ноте. Да мало ли их было, деталей-подсказок... А для теткиного настроения и подсказок не требовалось – оно всегда было серым, уныло-натруженным. Шутка ли – троих детей прокормить, одной, без мужа. Тем более была у тетки еще и заветная мечта-задумка – чтоб Надя с Ритой непременно в институтах выучились.

Они выучились, конечно. Даже успели за время учебы мужьями обзавестись. Надя, как тетка считала, очень удачно таковым обзавелась, уехала в другой город «на все готовенькое». Еще тетка говорила, что старшая, Надя, в хорошую породу пошла, в рассудительную, коли так ловко «в полный материальный достаток въехала». А младшей, Рите, с породой и рассудительностью, видать, не очень повезло, потому что Рита своего мужа в дом к матери привела, «как есть, огольца перекаточного».

С приходом в семью «огольца перекаточного» и началась у них новая жизнь. Обычная жизнь, скандальная. А какая она еще может быть, если две хозяйки на кухне образовалось? Если «оголец» толком работать не хочет, а все на дочернюю шею сесть норовит? А дочерняя шея вместо того, чтобы к матери лишний раз повернуться, только в сторону «огольца» и тянется?

Так, в непрерывных скандалах, и прожили общий совместный год. А потом Рита поставила вопрос ребром – надо разъезжаться, квартиру менять. Объявила такое решение матери, гордо вскинула голову и скрылась в своей комнате, мазнув глазами напоследок по растерянному лицу троюродной сестры-приемыша, к тому времени шестнадцатилетней уже пигалицы. Тетка лишь развела руками:

– Нет, ты слышала, Лизка? Каково, а? Квартиру менять, главное! Да что тут менять, не велики хоромы, двухкомнатная всего! На какой хрен собачий мы ее выменяем?

– Не знаю, тетя Тань...

– Конечно, не знаешь ты! Сунули мне тебя, и живи, как знаешь! Вот что я теперь с тобой делать буду, а? Куда приткнусь?

– Не знаю, тетя Тань...

– Так и я не знаю! Вот уж воистину – не делай людям добра... Вроде и не жалко для сироты куска хлеба, а потом и не знаешь, что из всего этого выйдет... Ладно, иди на кухню, не лезь под руку. Видишь, и без тебя тошнехонько.

Она послушно ушла на кухню, налила себе чаю. Потянулась к булке хлеба, чтобы отрезать ломоть для бутерброда, и вдруг неожиданно для себя расплакалась. Нет, не от обиды и не от попрека «куском», а от виноватости, совсем уж непереносимой. Подумалось вдруг – вот бы исчезнуть, так, чтобы совсем, и никогда больше не лезть под руку... Поплакала тихонько, и слезы высохли, и на смену виноватости пришло странное равнодушие – пусть будет, как будет. Может, завтра вообще все как-то устроится, и все помиряется, и все войдет в свою колею. Глотнула чаю, отхватила-таки ломоть от булки, намазала маслом. Не успела до рта донести, как на кухню заявила тетка, уселась напротив нее, произнесла виновато:

– Лизк, ты плакала, что ль? Ну, прости... Сама видишь, какие дела творятся. Я тут посидела, подумала... А Ритка-то, в общем, права, меняться нам надо. Иначе мы тут все поубиваем друг друга. Я морду этого охламона ни минуты больше видеть не хочу... Как думаешь, а, Лизк?

– Не знаю, тетя Тань. Как вы решите, так и правильно.

– Ишь ты... Хорошо себе придумала – как решите. Ну, а сама-то что о своей жизни думаешь?

– В... каком смысле?

– Да в прямом, в каком! Ты ж через два месяца школу оканчиваешь, куда потом подаваться надумала?

– Так в университет, на филфак... И в школе учителя советуют... Говорят, с моими гуманитарными способностями мне туда самая дорога...

– Ну, учителя... Им хорошо говорить, учителям-то. Им ведь не тянуть твою учебу пять лет! Да и что это за специальность – филфак! Нет, ты у меня умница, конечно, и книжек много читаешь, я знаю... А только вот что я тебе скажу, Лизавета. Ты бы посерьезнее к выбору будущей профессии отнеслась, особо тебе надеяться не на кого, сама понимаешь. А я все, что могла, для тебя сделала. Надо и мне покой дать.

– Так я... Я конечно, тетя Тань...

– Ну, в общем, я к чему это все... Думаю, тебе сподручнее в медучилище пойти учиться. На медсестру. А что? Вполне приличная специальность... Каких-то два года – и уже на своих ногах! И заработок свой собственный в кармане! Всегда в тепле, в белом халатике... А главное – там всем поступившим сразу общежитие дают, Лизок! Ну что ты тут будешь наши скандалы с разменом слушать... Да еще и неизвестно, как оно все пройдет, надо еще и Надьку не обделить... Ой, не знаю, вон сколько хлопот навалилось на мою голову... Ну, чего молчишь? Дело я говорю или нет?

– Хорошо, тетя Тань, я подумаю.

– Ишь ты, подумает она! А тут и думать нечего, слушай, что тебе взрослые говорят! Я ж плохого не посоветую, я к тебе с добром! И не обижайся на меня, Лизавета! Вырастила я тебя, как могла, и за это скажи спасибо! Понимать же должна, ей-богу!

– Я понимаю, тетя Тань. Спасибо. Я понимаю.

– Да где уж, понимаешь ты... Разве от вас благодарности дождешься...

– Нет, я и правда все поняла, честное слово. Я буду поступать в медучилище, тетя Тань. Только... Только я крови боюсь и не могу смотреть, как уколы делают...

– Ну, да это ерунда, к этому привыкнешь... Жизнь, Лизавета, штука трудная, ко всему привыкнуть заставит. Главное дело – привыкнуть, понимаешь? А там и все страхи как рукой снимет.

– Хорошо... Я постараюсь, тетя Тань.

– А общежитие при медучилище действительно очень приличное, мне одна знакомая рассказывала, у нее там племянница учится. Все культурненько, по два человека в комнате. И

прописку сразу оформляют. Временную, конечно, но это ничего... Два года поживешь, а там видно будет... Ну что, так и порешим, да?

– Хорошо, тетя Тань.

– Да ты ешь, ешь давай... И чай вон совсем остыл... А хочешь, колбасу копченую из холодильника возьми, которую я к празднику прикупила. Хочешь?

– Нет, спасибо.

– Ты на меня не обиделась, нет? Только честно!

– Нет... Не обиделась, что вы...

Как будто она могла ей сказать – да, обиделась. И вовсе, мол, не было у меня в планах никакого медучилища... Нет, не могла она ей такого сказать. Как всегда, оробела перед натиском.

К началу сентября все и решилось. Поступить в медицинское училище оказалось делом простым – с хорошими оценками в аттестате ее взяли с радостью. Рита с теткой квартиру тоже разменяли, выписав ее с легкой душой. Рита с мужем переехали в однокомнатную, а тетка купила себе домик в дальнем пригороде, в трех часах езды на электричке. Правда, это знание о «трех часах езды» так и осталось знанием – тетка даже в гости к себе ни разу не позвала. И Рита тоже. Вычеркнули ее из жизни, будто и не было у них никогда ни сестры, ни племянницы. И опять она не обиделась, успокаивая себя тем, что им, наверное, несколько некомфортно... Наверное, так проще – убежать от неловкости, не маять себя лишними угрызениями. Как говорится, с глаз долой, из сердца вон. И все, и забыли. Да и была ли она у них в сердце, вот еще вопрос! Бабка-то в свое время навязала им это благородство, да еще и сдобрила его квартирным посулом. А любые порывы, даже самые благородные, со временем угасают, покрываются патиной легкой досады. Нет, не обижалась она на них. Как они от неловкости бежали, так и она бежала от обиды. Казалось, без обиды жить легче...

Учеба в медучилище давалась ей легко, пока дело не дошло до практики. Тут уж пришлось круто себя в оборот брать, бороться с дрожанием рук, уминать в себе страх до состояния твердокаменности. А что было делать? Пути назад не было, и запасных аэродромов для нее тоже судьба не предусмотрела. Или так, или никак. Привыкай к тому, что есть на данный момент. Сиротская судьба – это ж движение на ощупь, она из таких моментов и состоит. Упустишь его, зубами не схватишься, и провалишься в черную дыру безнадёги.

Она и схватилась. Крепко. Зубами. Загнала страх так глубоко, что он и пикнуть не смел. В конце концов, любое дело достойно того, чтобы научиться хорошо его делать! Морду всмятку разбей, а научись! Тем более не такое уж это дело и сложное. Не так знания нужны, как привычки.

Со временем и впрямь привыкла. По крайней мере, училась не хуже других. Старалась. Правда, иногда накатывало вдруг... А что дальше-то, после окончания училища? Ну, с работой все понятно, допустим. Хорошие медсестры в любую больницу требуются. А жить? Где она потом жить будет? Вряд ли при больницах общежития есть... Так, бывало, и ворочалась полночи в постели, мучила себя неразрешимыми вопросами. Но плакать – не плакала. Казалось, если заплачет, судьба того пуще рассердится, а может, и вообще обиженно отвернется. Как ни крути, она к ней по-своему благосклонна была, судьба-то! Да, у тетки не сладко было. Но не в детдоме же! Вон, какие ужасы про детские дома рассказывают, аж душа замирает...

Среди девчонок-однокашниц она слыла нелюдимкой. Да и они к ней особо с дружбой не навязывались, считали девушкой странной, немного «с приветом». Это потому, что она все время книжки читала. Тетка с Ритой все книжки, которые в доме были, щедро ей отвалили в качестве прощального подарка. И синенький восьмитомник Чехова, и Толстой, и Пушкин, и даже старое издание Булгакова... Можно сказать, повезло. Раньше, когда книги в страшном дефиците были, считалось очень модным их доставать и красиво выставлять корешками на полках домашних «стенок». В свое время и тетка на эту моду купилась, была яркой собиратель-

ницей «красивой» библиотеки. А когда квартирный обмен до конечной стадии дошел, книги оказались ни Рите, ни тетке не нужны. Вот ей и повезло с таким «приданным»...

Правда, тут были свои неудобства. Комната в общежитии была хоть и уютная, но по размерам не так чтобы очень. Три кровати, три тумбочки, стол, платяной шкаф. И все. И места больше нет. Можно было, конечно, расстараться и полки над своей кроватью навесить, да комендантша не разрешила. Сказала – много тут всяких живет, каждая со своей причудой, а стены – одни на всех, и нечего лишний раз их дырками ковырять. Пришлось связки с книгами под кроватью пристроить до лучших времен... Хотя какое там – лучших. Уж хоть каких-нибудь.

Она читала. Запоем. У нее даже игра такая была – сунуть руку под кровать, какую книгу пальцы ухватят, не глядя, ту и читать. Пусть хоть по пятому разу, хоть по десятому, все равно. Под кроватью-то они все любимые пылились, с детства уже перечитанные. Достает, например, третий том из собрания Чехова, открываешь наугад... Ага, на повесть «Три года» попала. Вот здорово! Да чего там! Любая чеховская вещь – такая радость для души! Теперь только лампу включить над головой, соорудить кусок черного хлеба с солью и можно смело уплыть в удовольствие... Да, странное это было сочетание – вкус черного хлеба с солью и чеховский текст. Необыкновенно изысканное. Ее собственное, между прочим, изобретение. Интимное чувство гармонии, не поддающееся стороннему пониманию. Да и зачем оно ей? Окрестили ее уже «девушкой с приветом», и довольно.

Правда, иногда ее прямо в процессе чтения тоска настигала, шевелилась упреком в душе – как же ты мечту о филфаке на медицинский хлебушек променяла... Вот же оно, все твое. Чехов, Булгаков, Куприн... Еще под кроватью томик Ахматовой есть... Лежат, как неприка- янные, в ссылке.

И тут же вздыхала с тоскою – нет, пять лет на филфаке – это долго. Тетка права. Но можно ведь было и на вечерний поступить, а днем работать... Да, оно так, конечно. Работать можно, а жить где? Да и пока эту работу найдешь... Времени-то искать не было, слишком скоропостижно ее из квартиры выписали. Как получилось, так получилось, и все, и нечего тосковать. Наоборот, все удачно сложилось. Да и куда бы она подалась после филфака? Учительницей словесности в школу? Так разница не такая уж и существенная – людей лечить или детей учить. А в материальном смысле вообще одинаково бесперспективная.

Два года пробежали незаметно, замаячил впереди выпуск в самостоятельную жизнь. Для нее – пугающе самостоятельную. Правда, открылась одна перспектива – заявка пришла на два места в хорошую ведомственную больницу, с проживанием в общежитии. Но и желающих туда попасть тоже было – хоть отбавляй. Она дважды ходила к директору, кукожась от неловкости, объясняла свою ситуацию, но он лишь плечами пожимал, отвечал устало и равнодушно – хорошо, мол, мы примем к сведению...

Потом извелась страхами в ожидании той перспективы. Перестала спать, есть, даже читать перестала. Все ей представлялось, как она выселяется из общежития со своими книгами... в никуда. Можно было, конечно, обнаглеть и к тетке поехать... Но это был уж самый последний вариант, и вовсе не хотелось о нем думать.

– Да что ты вся извелась, Лизка, ей-богу! – глядя на ее переживания, качала головой соседка по комнате, хорошенькая беленькая Катя, круглая и гладкая, как куриное яичко. – Директор же обещал тебе это место, вот и успокойся! А то мечешься туда-сюда...

– Он не обещал, Кать. Он сказал, примет к сведению. А если он забудет... принять к сведению? Что тогда?

– А ты еще завтра сходи, напомни о себе!

– Да мне неловко, Кать...

– Ой, ну какая же ты нерешительная, Лизка! – презрительно сморщила маленький носик Катя. – Да в твоей ситуации, наоборот, надо быть стервой зубастой! А ты вся на переживания

изошла! Вон, бледная какая, смотреть тошно! Иди на улицу, свежего воздуха глотни! Мороженого съешь, в кино сходи, развейся!

– Нет, не хочу. Я лучше в комнате посижу. Почитаю...

– Ага! Вот так все главное в жизни и проворонишь, в книжку уткнувшись!

– Чего я провороню? Ничего не провороню...

– Ну, так я из-за тебя провороню!

– В смысле? – подняла она на Катю удивленные глаза.

– Да тут такое дело, Лизк... Ну, в общем... Ко мне сейчас парень один должен прийти...

Светку-то я еще утром предупредила, она к родственникам с ночевкой подалась.

– А... Ну, так бы сразу и сказала. Да, я сейчас уйду, Кать. В котором часу мне можно вернуться?

– Не знаю... Давай часикам к десяти, что ли... А лучше – к одиннадцати. Конечно, было бы совсем хорошо, если б ты вовсе ночевать не пришла...

– А ты давно этого парня знаешь, Кать?

– Не-а. Только вчера познакомились.

– И уже в гости его пригласила? Так быстро?

– Хм... А что тут особенного? Сейчас все так делают... Тем более он парень классный.

Такими парнями не бросаются, Лиз. Если я не позову – другая позовет, и поминай, как звали. А я буду потом, как дура, тоже вечерами книжки читать...

– Спасибо за комплимент, Кать.

– Да ладно, не обижайся! Лучше сваливай быстрее! Он вот-вот должен прийти!

– Все, ухожу... Но я к двенадцати все равно приду, мне ночевать негде.

– Да знаю, знаю... Куда ж тебя, сиротинушку, денешь?

Торопливо причесавшись перед зеркалом и накинув на плечо ремешок сумки, она шагнула к двери и вздрогнула от раздавшегося с той стороны уверенного стука.

– Да, Герман, заходи! – весело-томно прозвучал за спиной Катькин голосок. – Заходи, там открыто!

Он и в самом деле был хорош, «классный» парень Герман. Высокий, русоволосый, яркоглазый. Правда, самоуверенности в нем было много, сразу в глаза бросалась. Но, наверное, оттого он для Катки и классный, что слишком самоуверенный?

– Здравствуйте! А вы что, уходите? – окинул он ее быстрым оценивающим взглядом.

– Да, Гер, Лизке срочно в библиотеку надо. Да ты заходи, чего в дверях стоишь! – суетилась сзади Катька, чуть подталкивая ее в спину.

– В библиотеку? Жаль... А то посидели бы с нами, Лиза... У меня тут кое-что поинтереснее библиотеки есть... – красноречиво похлопал он по карману ветровки, откуда высовывалось блестящее горлышко бутылки шампанского.

– Нет, спасибо. В другой раз как-нибудь... – скромно опустив глаза, шмыгнула она мимо него.

– Жаль...

Он еще что-то сказал, она уже не расслышала. Пухлая Катькина ручка мелькнула в проеме двери, быстро прошуршал ключ в замке. Она поморщилась, передернула плечами, чувствуя странную неловкость. Слишком уж откровенно этот Герман ее разглядывал... Чего ее разглядывать-то? Одетая не модно, косметики на лице нет, обыкновенная мышка-норушка, явно не в его вкусе. Таких, как она, мужчины обычно не замечают. Это и понятно, она же даже кокетничать не научилась. С кем ей было учиться-то? С князем Мышкиным? С Вронским? Или, может, с несчастным Лаевским из чеховской «Дуэли»?

Правда, намечалось что-то такое, еще в школе, в восьмом классе... Обратил на нее внимание один мальчик с красивой фамилией Оболенский. И имя у него было красивое – Марк. Смешной, длинный, в очках... Очень был умный, на всех школьных олимпиадах по физике-

математике побеждал. А когда перешли в девятый класс, он исчез... Просто не появился первого сентября в школе – она думала, заболел, может? Потом выяснилось – нет, не заболел. Родители навсегда Марка в Израиль увезли...

В тот вечер она так и прослониалась по улицам, не зная, куда себя деть, и сожалея, что второпях забыла прихватить книжку. Хорошо, в парке на скамье кто-то журнал «Юность» забыл. Полистала, обрадовалась – о, да тут новую повесть Бориса Васильева напечатали! И в рубрике «Зеленый портфель» – рассказ Дины Рубиной! Так и читала до темноты, а потом дождь пошел, и пришлось еще полчаса коротать под козырьком гастронома, что напротив общежития. Эти последние полчаса совсем ее доконали. И, как всегда в таких случаях, память тут же преподнесла поразившее ее когда-то своей точностью выражение из рассказа любимой Дины Рубиной – одиночество разболелось... Да, лучше, пожалуй, и не скажешь. Именно – разболелось.

Когда в окне их общежитской комнаты зажегся свет, приободрилась немного. Значит, скоро Катькин ухажер должен уйти. И действительно – через пятнадцать минут появился на крыльце общежития, пружинисто сбежал вниз по ступенькам. Она долго смотрела ему вслед – надо же, какой уверенный в себе парень... Пришел, увидел, победил. А может, и не победил, просто Катька сама без боя сдалась. Теперь, стало быть, не придется Катьке вечерами книжки читать, как дуре...

Хмыкнула, потрусилась через дорогу домой. Катька открыла ей дверь, огорошила радостным воплем:

– Похоже, он на меня запал, Лизка! Сказал, завтра в кино пойдем! И в кафе! А ты говоришь, зачем все так быстро надо! А как иначе-то, Лизка? С такими парнями только так и надо, чтобы все сразу, а голыми руками его не возьмешь!

– Ну что ж... Я за тебя рада, Кать.

– Замерзла, поди? Хочешь, я тебе чаю сделаю?

– Давай...

А потом был еще один вечер. На этот раз она была в комнате одна – Света с Катей ушли на танцы в артиллерийское училище. Вернее, это Света Катьку утащила – та была в плохом настроении, шепталась о чем-то со Светкой, всхлипывала. Ее на танцы не звали, как-то само собой предполагалось, что смысла в этом нет. Привычно устроившись с книгой под лампой – на этот раз рука наугад вытащила из-под кровати Вальтера Скотта, – она углубилась в жизнь высокомерных шотландских аристократов и восставших против них пуритан, отмечая про себя, что текст у Вальтера Скотта все-таки для чтения трудноват. А может, перевод плохой... Но все равно интересно...

Стук в дверь раздался неожиданно, она вздрогнула, оторвалась от книги. Кто это может быть? Светке с Катькой еще рано... Да и не будут они в дверь стучать, у них ключи есть.

Встала с кровати, сунула в ноги в тапочки, открыла дверь...

За дверью стоял Герман. Смотрел на нее, улыбался.

– Здравствуй, Лиза. Я Герман. Ты меня помнишь, я уже приходил сюда как-то?

– Да, конечно... Здравствуйте. А только Кати нет, Герман. Она на танцы ушла и будет, вероятно, поздно. Да вы можете ее там найти, это недалеко...

– Да я знаю, что Кати нет. А почему ты мне выкаешь, Лиза?

– Но как же... Мы почти незнакомы...

– Так давай познакомимся! Я ведь к тебе пришел.

– Простите, не поняла... В каком смысле – ко мне?

– Да в том и смысле, что к тебе, а не к Кате. Что тут непонятного? Может, в кино пойдем, Лиза?

– В кино? В какое кино? Что-то я вас опять не понимаю...

– А чего непонятного? Странная ты какая-то... Заладила – не понимаю, не понимаю! В кино, говорю, тебя приглашаю! – проговорил он громко, как для глухой. – Пойдем?

– Нет... Нет, что вы... – отступила она на шаг, удивленно мотая головой. – Что вы, я не могу...

– А почему, можно узнать? Я тебе до такой степени неприятен?

– Ну что вы... То есть... Я хотела сказать, не в этом дело...

– А в чем? Ты не любишь кино?

– Я люблю кино, Герман. Просто... Понимаете, это неудобно. Я не могу, на меня Катя обидится.

Он хмыкнул, глянул на нее озадаченно. В глазах мелькнуло нечто похожее на скрытое одобрение.

– Значит, за подругу переживаешь, да? Обидится, говоришь? Хм... Надо же... Ты всегда такая совестливая, Лиза?

– Да при чем тут... Согласитесь, это ведь и впрямь нехорошо со стороны выглядит.

– Значит, не пойдешь?

– Нет. Не пойду.

– А если я тебе скажу, что у меня с твоей подругой уже все, любовь закончилась?

– Пусть. Все равно не пойду. Извините. Она, между прочим, из-за вас плакала сегодня.

– Не из-за вас, а из-за тебя.

– Что?

– Плакала, говорю, не из-за вас, а из-за тебя! Это я к тому, чтобы ты перестала мне выкать. Скажи мне – из-за тебя плакала!

– Ну, хорошо. Катя плакала из-за тебя, Герман. И хотелось бы сделать акцент на слове «плакала», а не...

– Ладно, понял. Значит, ты у нас такая вот, да? Порядочная, значит... Что ж, это хорошо... Это мне даже нравится. Давай с тобой так договоримся, Лиза... Когда увидимся в следующий раз, ты больше не будешь мне выкать.

Она ничего не ответила, лишь пожала плечами в растерянности.

– Смешная ты, Лиза... Ладно, пошел я. У тебя в котором часу занятия заканчиваются?

– А у нас завтра экзамен... Я не знаю.

– Значит, я встречу тебя после экзамена. Пока, Лиза! До завтра!

Хлопнув ладонью по косяку, он улыбнулся белозубо, развернулся, пошел прочь по коридору. А она так и осталась стоять у открытой двери с книгой Вальтера Скотта в руках. И в полном недоумении. Но, чего греха таить, все же в немного приятном недоумении. Потом закрыла дверь, снова уселась под лампу, пытаясь глазами найти то место в книге, на котором остановилась. Пробежав несколько страниц подряд, вдруг поняла, что совсем не уловила смысла прочитанного. Испугалась, подняла глаза от книги, уставилась в сумеречное окно. Надо же, впервые с ней такое приключилось...

С самого утра мысли о предстоящем экзамене не шли в голову. И Кате в глаза не могла смотреть. Та спросила ее удивленно:

– Лизк, ты чего такая пришибленная? Боишься, не сдашь, что ли? Небось весь вечер вчера зубрила, пока мы со Светкой в артиллерийском на танцах отплясывали?

– Нет, я не зубрила. Я Вальтера Скотта читала! – проговорила она торопливо, будто оправдываясь.

– Ну и дура. А замуж ты тоже за Вальтера Скотта собираешься? Лучше бы с нами на танцы пошла! Там контингент, конечно, не ахти... Но Светка вчера себе нормального пацана присмотрела. Не хромой, не косой, и то слава богу. Все хочет в последний вагон впрыгнуть, бедная...

– Катк... Ты завидуй молча, пожалуйста! – обернулась к ней Света, натягивая белую блузку.

– Я завидую? Да больно надо... – насмешливо пожала плечами Катька. – Это ж тебе замуж невтерпеж...

– Ага. А тебе втерпеж, стало быть. Оттого на первого встречного и бросаешься. А потом ревешь, когда тебя на другой день футболият.

– Ты видела, что я на него бросалась? Видела?

– А то я тебя не знаю...

– А ты, значит, не бросаешься, да? Небось и бросилась бы, да никто, я смотрю, шибко не подхватывает! Так и уедешь в свою деревню, а твой артиллерист себе побойчее найдет!

Так и переругивались всю дорогу до училища. Она шла чуть поодаль, вздыхала и мучилась сомнениями – как-то оно все будет... А вдруг и впрямь Герман к училищу зайвится? Все-таки надо было Катьке сказать... А с другой стороны – может, он просто пошутил? Зря только Катьку обозлишь...

После экзамена всю их девчачью группу загнали в аудиторию, объявили оценки. Катька со Светкой схватили по тройке, она сдала на пятерку. Когда вышли на крыльцо, Катька заявила со смехом:

– Ну, Лизк, с тебя причитается! Дуй в магазин, покупай красенького! Отмечать твою пятерку будем!

Она лишь пожала плечами, затравленно озираясь по сторонам. Слава богу, Германа поблизости не было.

– Да ладно, чего испугалась-то... – все не унималась Катька. – Не бойсь, на троих скинемся. Сегодня ты, Лизка, хоть граммულку, а за свою пятерку выпить обязана! Ну, пошли, что ли?

Они медленно пошли вдоль аллеи, с обеих сторон подхватив ее под руки. Светка тоже веселилась вовсю:

– Одиннадцать баллов на троих – чем не повод, да, Катька? Погоди, мы еще и на танцы ее затащим... Хоть косога да кривого лейтенантика, а найдем! А что? Это для тебя, Лизка, выход, между прочим... Уедешь на Дальний Восток, заберешься на сопку и будешь лейтенантику с Вальтером Скоттом изменять...

Они покатались со смеху, не услышав, как кто-то подошел к ним сзади. И обернулись удивленно на вежливый голос Германа:

– Привет, девчонки. Можно, я вашу подружку украду?

– Привет... – жалко промямлила Катька, с надеждой глядя Герману в лицо. И даже сунулась к нему на полшага, дрожа губами. – Можно, конечно... Укради...

– Спасибо, девчонки!

Она почувствовала, как властно ухватил он ее за локоток, растерялась, глянула на онемевшую Катьку в отчаянии.

– Опаздываем, опаздываем! Я билеты в кино купил, через пять минут сеанс начинается! – ловко потащил он ее за собой, не давая выскочить из состояния ступора. Обернувшись, помаhal девчонкам рукой: – Пока! Мы опаздываем!

Она пришла в себя лишь в конце аллеи, обернулась. Девчонки стояли, смотрели им вслед. Выражение их лиц ничего хорошего ей, конечно, не предвещало. А Герман лишь рассмеялся весело:

– Здорово я тебя уволок, да? Пошли, а то и впрямь опоздаем...

Конечно, можно было возмутиться, вернуться к девчонкам. Но странное на нее напало ощущение, похожее на сладкий паралич воли. В этом парне была какая-то самонадеянная сила, убивающая на корню попытку к сопротивлению. И не сказать, чтобы это было так уж неприятно... Катьку жалко, конечно. Но не махать же кулаками после драки? Если уж дала себя увести... Или уволочь, как нахально выразился Герман.

В темном зале, когда начался фильм, он сунул ей в ладонь конфету. Машинально развернула фантик, оправила в рот, зажмурилась от удовольствия. Шоколадная «Белочка», ее любимая... Потом еще одна конфета, еще... Надо же, конфетами успел запастись. И обниматься в темноте не лезет. И за руку не берет. И фильм хороший, она давно его посмотреть хотела.

Потом, после фильма, гуляли долго. Он звал в кафе, она решительно отказалась. Не оттого, что есть не хотела, а просто... Это было уж слишком для одного вечера. Тем более она ни разу в жизни не была в кафе. Застеснялась.

На крыльце общежития, прощаясь, он церемонно пожал ей руку, поклонился слегка:

– Спокойной ночи, Лиза. До завтра.

– До завтра?

– Ну да... Я зайду за тобой часам к шести. Ты дома будешь?

– Ой, нет... Не надо заходить. Лучше я сама... Я сама приду, куда скажешь.

– Обычно девушки назначают место свидания.

– Да? Ну, тогда в шесть у драмтеатра...

– Хорошо, договорились.

– А куда мы пойдем?

– Так в театр и пойдем! Хочешь? Там вроде артисты какие-то московские на гастролях...

Я сегодня мимо проходил, афишу видел.

– А какого театра артисты?

– Да черт его знает! Я в этом не разбираюсь. Сама завтра увидишь и меня заодно просветишь.

– Но там же билеты страшно дорогие, должно быть?

– А вот это ни одну девушку не должно волновать, Лиза. Девушки такие вопросы задавать не должны.

– Да? Ну, ладно. Я не буду, прости.

Он разговаривал с ней, как с ребенком, чуть насмешливо, чуть с превосходством. И это ей тоже нравилось, как ни странно. Были в его насмешливости и превосходстве другие нотки, совсем не те, которые доставались ей от тетки, от сестер... Он, кстати, сегодня весьма деликатно вынул всю ее нехитрую жизненную подноготную. И она доверчиво рассказала. И про сиротство свое неприкаzanное, и про обмен квартиры, и как без прописки осталась... И даже посоветовалась сгоряча – не пойти ли еще раз к директору училища, чтобы напомнить о том самом распределении, где общежитие посулили. А он ей на это ничего не ответил, лишь задумчиво плечами пожал.

Начали встречаться – каждый вечер. Катька объявила ей жесткий бойкот, и она по этому поводу страшно переживала, конечно. А потом как-то успокоилась, попривыкла. В конце концов, Герман же сам ее выбрал, она не навязывалась... Да и до выпускного оставалось всего ничего, две недели. Подумаешь, две недели можно и бойкот пережить. Тем более наедине с Катькой она теперь практически не оставалась – все свободное время проводила в компании Германа.

Он красиво за ней ухаживал. Как в кино. Иногда ей казалось, будто действительно видит себя со стороны и тихо изумляется на себя, такую. То есть настоящую полноценную девушку, пребывающую под настоящей мужской защитой. Впервые в жизни она чувствовала себя защищенной... Странное, странное это чувство. Вкусное, как шоколадная конфета «Белочка». Сладкое, растворяющее прижившуюся внутри с годами сиротскую безнадегу. Даже иногда страшно становилось – а как она потом без этого ощущения жить станет? К хорошему же быстро привыкаешь, вот в чем беда...

И на выпускной в училище Герман тоже пришел. А главное – как пришел! Когда ее вызвали на сцену для торжественного вручения диплома, вдруг появился в зале с огромным букетом роз, стал ждать, когда она спустится со ступенек. Ах-х-х... – тут же пронеслось по залу

девичье, восхищенное. А у нее коленки от волнения подогнулись, чуть не упала с последней ступеньки... Хорошо, Герман поддержал ее под локоток. И повел на место. Она из-за цветов и не видела, куда он ее ведет. Усадил, церемонно поцеловал руку, сел рядом. В общем, картина маслом, как потом завистливо Светка выразилась. А Катька ее так и не простила, уехала после выпускного в свой поселок, не попрощавшись.

Впрочем, ей было уже не до Катьки. Другие заботы навалились, более существенные. Потому что директор училища своего слова не сдержал, отдал распределение в ту самую ведомственную больницу другим девчонкам. Правда, комендантша общежития оказалась теткой сердобольной, разрешила ей не выселяться до сентября. Только условие поставила – чтоб мужиков не водила. Но тут же сама и рассмеялась – какие, мол, у тебя, у книжной пигалицы, мужики...

В больнице, куда попала по распределению, к ней отнеслись хорошо. Посоветовали комнату снять, даже половину арендной платы возместить обещали. В общем, не так все и страшно оказалось, только бы до первой зарплаты дожить... Денег-то у нее совсем не было.

В тот день, она помнит, у нее был выходной после дежурства. Теплое августовское воскресенье с коротким утренним дождиком. Выглянула в окно, увидела, как быстро идет к крыльцу Герман, почти бежит... И екнуло сердце – почему он бежит, может, случилось что?

Заметалась по комнате, наводя порядок, быстро провела расческой по волосам. Глаза в зеркале были испуганные, и душа чуяла – сейчас что-то важное в ее жизни произойдет. Именно – сейчас. И обмерла, когда услышала дробный нетерпеливый стук в дверь.

– Лиза, у меня вчера бабушка умерла! – с ходу огорошил ее новостью Герман, схватил в охапку, закружил по комнате.

Тут уж она совсем растерялась – что происходит? Бабушка умерла, а он... вроде как радуется, что ли? Странно и непонятно, и даже боязно немного. А может, это реакция на стресс, бывает же! Всякий человек по-своему горе переносит. А может, у него что-то в голове сдвинулось?

– Герман, погоди... Ну, отпусти меня, пожалуйста... Хочешь, я тебе валерьянки...

– Да какая валерьянка, Лизка! Я ж тебе объясняю – бабка вчера померла!

– А... ты почему так... Я не пойму... Ты этому рад, что ли?

– А как же! Конечно, рад! Ну, то есть... Жалко бабку, конечно. Но ей уже девяносто лет было, а последние десять лет она в параличе лежала, измаяла всех и сама измаялась... Да чего там лицемерить, пусть ей на том свете лучше будет, чем на этом. Дело-то в другом, Лизка! Бабка ж свою квартиру мне завещала, представляешь? Так что я теперь жених с апартаментами, не абы как! Выходи за меня замуж, Лизка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.